

Айрат Севийорум

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ВЕК

НАСЛЕДНИЦА РОКСОЛАНЫ

Великолепный век (АСТ)

Айрат Севийорум

Наследница Роксоланы

«АСТ»

2015

Севийорум А.

Наследница Роксоланы / А. Севийорум — «АСТ»,
2015 — (Великолепный век (АСТ))

Ей дали имя Ниса – «красивая женщина»... Своего настоящего имени она не помнила, как не помнила прошлого. Жизнь забросила ее в чужие края, где никто не говорил на родном языке, ей суждено было затеряться здесь навсегда, но судьба была к ней благосклонна. «Красивая женщина» оказалась в гареме молодого Султана. Последний оставшийся в живых сын легендарной Роксоланы, тяготеет трон, его преследуют призраки прошлого, а враги ждут малейшей оплошности, чтобы уничтожить его. Внезапная болезнь, свалившая крепкого молодого мужчину слишком похожа на покушение, и только Ниса может спасти его от смерти...

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	12
5	15
6	17
7	19
8	23
9	25
10	27
11	29
12	32
13	33
14	35
15	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Айрат Севийорум
Наследница Роксоланы
Исторический роман

© Севийорум Айрат, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

1

Султан Сулейман Великолепный возлежал на смертном одре. Жизнь уходила медленно, по секундам, он мог чувствовать, как с каждым мгновением его дыхание становится реже, кровь стынет в жилах, а члены отвердевают. Притупились чувства, даже боль в ноге, которая мучила его все последние годы и буквально сводила с ума, – и та практически сошла на нет. Казалось, что постепенно его окутывает тончайшая пелена. Однако мысли оставались ясными, а разум – незамутненным.

Сулейман не испытывал страха. Ведь он умирал только физически, а что такое телесная смерть в сравнении с душевными страданиями? В духовном смысле он умер еще восемь лет назад вместе со своей Хюррем, той, ради которой, как он сам неоднократно признавался, и пришел на эту грешную землю, для которой дышал, на которую молился, во имя любви к которой был готов на любые поступки – как на милостивые, так и на жестокие. Конечно, он слышал, как в Топкапы и за его пределами ее называют ведьмой, до него доходили слухи, что проклятая роксоланка просто-напросто околдовала его и использует в своих целях, что ее главная цель – известить султана и прибрать власть к своим рукам. Более того, он видел и откровенную ненависть, с которой к его избраннице относились обитатели дворца, его мать валиде Айше Хафса, сестра Хатидже-султан, мать его наследника Мустафы Махидевран, великий визирь и по совместительству верный слуга и друг Ибрагим-паша... Однако все это его не смущало. В его душу ни разу не закрадывалось даже малейшее подозрение в преданности своей хасеки. Впоследствии эти нелепые разговоры стали и вовсе его забавлять и одновременно раздражать. О Аллах, неужели им не приходило в голову, что, обвиняя Хюррем, они тем самым сомневаются в нем, своем Повелителе? Более того, наносят ему невиданное оскорбление? Да, поначалу всеобщая ненависть была вполне объяснима: люди попросту завидовали, ведь ей, обреченной стать рабыней, прислужницей, вдруг удалось достичь небывалых высот! Вдруг... Разве вдруг? Женщин (да и мужчин) с таким живым и незаурядным умом, как у Хюррем, он не встречал. С возрастом ее красота поблекла, но ведь все мы подвластны времени, и прожитые годы оставляют свою печать на лице каждого из нас. И тем удивительнее, что люди, несмотря ни на что, продолжали называть ее колдуньей и искать в ней источник всех бед и несчастий султанской семьи и всей империи. А ведь она создала благотворительный фонд, собирала средства на строительство мечети, медресе, больниц, имаретов, но люди этой ее деятельности словно не замечали. Да, верно, плохое бросается в глаза, обвинять, бросить в человека камень, опорочить, покрыть имя позором легко... Даже после смерти Хюррем народ называл ее источником несчастий – от дурной славы не так просто избавиться. Ну и пусть, она сама давно с этим смирилась. Главное, что они всю жизнь любили друг друга, жили друг для друга, дышали друг другом, стали одним существом, и вот уже близок час, когда они вновь будут вместе, теперь уже в вечности.

«О, Хюррем! Моя единственная, несравненная хасеки! Без тебя в моей душе навеки поселился холод, солнце скрылось, небо заволокли черные тучи, и никогда, никогда не будет мне просвета! Тебя давно нет, но любовь моя становится с каждым днем еще сильнее, и тоска, невыносимая, раздражающая, сжимает мое сердце и не дает мне покоя. Покой я обрету только с тобой. Больше всего на свете я мечтаю увидеть тебя, взглянуть в твои глубокие, понимающие глаза, дотронуться до белоснежной руки, прикоснуться губами к нежным губам... Ты давала мне силу, была моим источником, способным в любой момент воскресить меня, возродить к жизни. Мне не хватает тебя, слезы льются, словно реки, огромные, бурные реки, и нет им преграды, ничто не остановит этого невообразимого течения, сметающего все на своем пути... Только верю в то, что и мой путь скоро оборвется, я пока что еще жив», – так в мыслях он обращался к своей Хюррем. И сейчас, когда веки его смыкались, он видел перед собой ее, ее

глаза. В какой-то момент он пожалел, что рядом с ним сейчас нет его детей – любимой дочери Михримах и единственного оставшегося в живых сына Селима, наследника, который после него взойдет на трон, – ведь они оба очень похожи на мать. И у Михримах, и у Селима такой же взгляд, как у нее, а ему бы так хотелось в последний раз увидеть взгляд своей хасеки... Впрочем, эта мысль лишь промелькнула, а потом тени соединились вокруг него, и ему показалось, что он падает в пропасть и одновременно возносится на небеса... И последнее, едва различимое движение уже побелевших уст: «Хюррем...»

2

Сражение было ожесточенным, но сомнений в том, что победа близка, не было никаких. Сигетвар не устоит. Великий визирь Мехмед Соколлу, выслушав доклад о состоянии дел на поле боя, ощутил спокойствие и удовлетворение. Он был отнюдь не молод, но сохранял бодрость духа. Его чело избороздили морщины, волосы на голове и бороде совсем поседели, в то же время поступь его оставалась твердой, а ум – быстрым и живым. Ясно, что хорваты долго не продержатся, взорванная мина сделала свое дело, разрушив крепость до основания. Им попросту негде держать оборону, всего несколько часов – и вот он, триумф. Мехмед, не шевелясь, смотрел на пепелище, и в его темно-серых глазах, которые светились мудростью, тоже поблескивали яркие огоньки. Он вспомнил последние слова султана: «Великий барабан победы еще не должен быть слышен». Что имел в виду Повелитель? Почему не должен? Может, он предчувствует что-то... Но что именно? Хотя в последнее время великого падишаха все понимали с трудом. Старость, усталость и болезни давали о себе знать. Он то бормотал что-то, словно про себя, а то, наоборот, становился резким, будто что-то взрывалось внутри него. Мехмеду-паше стоило больших трудов сохранять остатки душевного равновесия Сулеймана. Так, султан уже отдал приказ обезглавить квартирмейстера, из-за которого поход был совершен за один день, а не за два. Несчастный ведь хотел как лучше, он не учел состояния Повелителя, который в последние дни чувствовал себя особенно плохо. Если бы Мехмед не бросился в ноги Сулейману, голова несчастного давно была бы отдана на съедение собакам.

– Выслушайте меня, Повелитель! Пощадите его! Подумайте, ведь благодаря ему Вы совершили невозможное! Мог ли враг ожидать, что султан в таком преклонном возрасте проделает этот путь всего за день? Нет! Вы представляете, как они сейчас трепещут? Они ждали больного, немощного старика, а приехал бодрый, полный сил, великий и могущественный Сулейман, готовый нанести сокрушительный удар!

Мехмеду-паше удалось успокоить разгневанного правителя, но только на время. Позже он все равно отдал приказ о казни – губернатора Буды, поскольку остался недоволен тем, как он выполнял свои обязанности. Что ж, на все воля Аллаха...

Мехмед уверенно и неторопливо подошел к шатру Сулеймана. Внутри было тихо, должно быть, великий султан уснул. А ведь последние дни его мучила бессонница. Мехмед-паша приблизился к его ложу, и какая-то смутная тревога появилась в его душе. По телу пробежал странный холодок. «Неужели? Нет!» – подумал он, и воскликнул:

– Лекаря!

Тот не заставил себя долго ждать. Худшие опасения подтвердились: султан Сулейман Хан-Хазретлери, тот, кого называли Великолепным, Кануни, был мертв. Мозг Соколлу начал лихорадочно работать. Поддаваться эмоциям сейчас было бы преступлением, нужно действовать и притом незамедлительно. Прежде всего, нельзя допустить, чтобы воины узнали о смерти Повелителя. Это Мехмед-паша понял сразу. Ведь тогда в войске начнутся волнения, которые могут повлиять на развитие событий и стать препятствием на пути к победе, а уж этого покойный султан желал меньше всего. Стараясь унять предательскую дрожь, он позвал лекаря:

– Подойди сюда, Рамазан. Прости, но другого выхода нет.

Все произошло в одно мгновение. Он подал знак дельсизам, немим охранникам султана, которые давно научились понимать приказания сильных мира сего с одного взгляда. Едва заметный кивок головы и чуть прищуренные глаза паши означали для лекаря смертный приговор. Один из охранников вытащил шелковый шнурок и резким движением накинул его на шею ни о чем не подозревавшему Рамазану. Вот так, по воле случая, простой лекарь удостоился смерти, которой умирали только члены султанской семьи.

Затем Мехмед велел позвать к себе Феридан-бея, личного секретаря, проверенного и уже не раз доказавшего свою преданность империи и ему лично.

– Феридан-бей! Найди гонца, дай ему самого быстрого коня и пусть он немедленно, слышишь, немедленно скачет в Анатолию и передаст шехзаде Селиму вот это послание. И никому ни слова!

Феридан-бей был вовсе не глуп. Он в ту же секунду догадался, зачем Великий визирь в столь ранний час отправляет гонца к принцу Селиму и что написано в письме, которое тому предстоит доставить. Лишних вопросов Феридан задавать не любил, потому, на пару мгновений задержав взгляд суровых черных глаз на Великом визире, будто ожидая, не даст ли тот еще каких-нибудь указаний, развернулся и поспешил исполнять приказ.

3

В ту ночь шехзаде Селим почти не сомкнул глаз. На душе у него было беспокойно. Он переворачивался с боку на бок, пробовал читать, вставал и мерил шагами комнату, снова ложился и закрывал глаза, но спасительная дремота никак не приходила. Наконец, осознав, что сегодня его попытки уснуть останутся бесплодными, он вышел на балкон. Ему в лицо тут же ударила освежающая утренняя прохлада. Он набрал в легкие свежего воздуха и устремил взгляд вдаль – туда, где только-только заалел рассвет. Яркие красно-оранжевые лучи, казалось, с трудом пробиваются сквозь ночную тьму. Жар-птица на востоке поднимается все выше, и темно-серое небо постепенно приобретает нежный голубовато-розовый оттенок. Еще совсем немного – и ночь окончательно уступит свои позиции. Наступает новый день, который должен стать для него знаковым.

Накануне вечером, когда над дворцом в Кютахье уже спустились сумерки, к шехзаде прискакал гонец со срочным донесением от Великого визиря Мехмеда Соколлу. Прочитав послание, Селим закрыл глаза. Мехмед-паша сообщил о кончине султана Сулеймана, а также советовал ему, Селиму, встретить войско на обратном пути, чтобы взять власть в свои руки как можно скорее.

Что ощутил Селим в тот момент? Нет, не радость. Он почувствовал страх. Страх грядущего. Страх неизвестности. Страх господства. Отныне он – великий падишах, султан Селим-хан II. Как же трудно в это поверить! В его руках теперь сосредоточена власть над самой могущественной в мире империей. Власть. Но зачем она ему? Видит Аллах, он никогда не жаждал власти. Он искал только свободы и покоя. Долгое время он находил их в объятиях своей дарующей свет Нурбану, а сейчас? Нет, уже нет. Последние события отдалили их друг от друга. Уйти от реальности он мог, только испив вина, и то на непродолжительный срок. Он мечтал о забвении. Селим хотел забыть о том, что он братоубийца, что на его руках кровь Баязида и его сыновей. Он понимал, что иного выхода у него не было, и если бы он не убил брата, то брат убил бы его, но это слабое утешение. Тени Баязида и его детей постоянно являлись ему. Он часто видел один и тот же сон: они с братом, еще совсем дети, бегут по коридорам Топкапы и весело смеются, потом выбегают на улицу, мчатся по саду и вдруг оказываются на краю крутого обрыва. Селим наклоняется, чтобы посмотреть вниз, но неожиданно все его существо пронзает острая боль, он теряет равновесие и падает, однако цепляется за выступ. В отчаянии он просит Баязида:

– Помоги, брат! Прошу тебя! Дай руку!

– Да, сейчас, сейчас!

Ценой невероятных усилий Баязид спасает его от верной смерти.

– Спасибо, спасибо тебе, брат мой!

Он сжимает Баязида в объятиях, они смеются, а потом он, Селим, продолжая смеяться, толкает брата, и тот летит со скалы.

– Нет, нет!

И он в ужасе просыпается.

А еще он часто видел перед собой лицо сестры Михримак-султан, которая в гневе бросила ему:

– Братоубийца! Ненавижу тебя!

И вот ради чего он погубил свою душу? Ради того, чтобы к нему, а не к Баязиду прискакал какой-то ничтожный гонец с клочком бумаги, чтобы он, а не кто-то другой мучился от бессонницы, думая о предстоящих сборах, а потом провел несколько недель в седле, вместо того чтобы отдыхать и гулять по саду, который так любил.

Как же трудно ему осознать, что этот день наступил... Нет, это не может быть правдой! Он просто спит. Конечно, вот в чем дело. Ему давно уже кажется, что он будто бы не живет, и все происходящее с ним ему снится. Наверное, он уже давно умер и просто наблюдает свою жизнь оттуда, с небес... Потому что в реальности это происходить не может. С юных лет Селим знал, что дни его сочтены и как только умрет его отец, ему тоже придется расстаться с жизнью. У него не было и не могло быть нормального, беззаботного, радостного, счастливого детства. Ведь он не родился старшим шехзаде, он не был даже вторым по счету. Третий, только третий в очереди на престол. Едва достигнув более-менее сознательного возраста, он понял, что его родили «про запас» – только на случай, если со старшими братьями что-то случится. Он мальчик, которого растили на убой. Что ж, Селим смирился со своей участью – а что еще оставалось делать?

И вот его отец мертв, а он, Селим, жив и, более того, должен вступить на престол. Но зачем ему эта власть? Чего в нем никогда не было, так это честолюбия и тщеславия. Ему никогда не хотелось быть властелином мира. Ведь, по сути, он просто был вынужден защищаться. Нурбану права, если бы он не стал убийцей, то был бы убит. Он спасал себя, свою жену и сына – и это даровало ему власть. Но только вот что теперь делать с этой властью? Решать государственные вопросы? Всю жизнь проводить в военных походах, подобно отцу? Приумножать могущество империи, законы которой сделали из него преступника? Он осознавал, что никогда не сможет достичь славы Сулеймана Великолепного. Тем более у него, Селима, уже была своя слава – он знал, что среди подданных слывет отъявленным пьяницей. Что ж, пусть будет так. Но что теперь делать? Он стоял, выпрямив спину, и задумчиво поглаживал рыжую бороду. В его голове крутилась одна мысль, он понимал, что для него это лучший выход. Но сможет ли он воплотить в жизнь свое решение? Отважится ли?

4

Нурбану удивилась раннему приходу своего шехзаде. Обычно он приветствовал ее гораздо позднее. Она проснулась совсем недавно и сидела у туалетного столика в легком белом халате, внимательно разглядывая себя в зеркало. Две служанки помогали ей приводить себя в порядок, расчесывали ее роскошные, густые и черные как смоль волосы. Услышав шаги Селима, она тут же поднялась, кинулась ему навстречу и поклонилась. Селим подал знак служанкам, чтобы они удалились, и сразу же приступил к делу.

– Нурбану, я хочу, чтобы ты первая узнала. Вот эту депешу от Мехмеда Соколлу мне доставили вчера вечером.

Умная и прозорливая Нурбану тотчас все поняла только по одному взгляду шехзаде, и письмо лишь подтвердило ее догадки. Темные брови-ниточки взлетели вверх, она глубоко вздохнула и, с трудом сдерживая не подобающую моменту ликующую улыбку, прошептала:

– На все воля Аллаха.

Она склонила голову, упала перед ним на колени, поцеловала подол кафтана и припала к руке.

– Повелитель, – произнесла она одними губами. – Твой век настал. Наше время наступило.

В ответ Селим не проронил ни слова. Он смотрел на нее туманным, невидящим взглядом, и Нурбану показалось, что мыслями он находится где-то очень далеко.

– Мой Повелитель, что с тобой? Ты не рад? Да, нас постигло большое горе, я вместе с тобой скорблю о твоём отце. Но сейчас не время давать волю чувствам, и ты должен это осознавать – ведь свалившаяся на тебя ответственность очень велика. Сейчас ты отвечаешь не только за себя, но и за всю империю.

Она взглянула на Селима, пытаясь сквозь пелену, окутавшую его взгляд, прочесть, о чем думает сейчас ее шехзаде, нет, уже не шехзаде, ее султан. В его зеленых глазах она увидела пустоту и усталость. Нурбану знала о терзавших его кошмарах, но не придавала им значения, полагая, что рано или поздно все пройдет. Наконец он заговорил:

– Нурбану, я принял решение. Я намерен отказаться от престола в пользу шехзаде Мурада.

Эти слова словно разрезали воздух вокруг Нурбану. На мгновение она лишилась всех чувств разом – не видела, не слышала, не могла сделать вдох. Земля уходила у нее из-под ног.

– Нет, это невозможно, Селим! Как ты можешь? После всего, что мы пережили! Я не знаю, что сказать... Прошу, ответь мне на один вопрос: чем вызвано это решение?

– Такова моя воля.

– Я чувствую в твоих словах ложь, мой султан. Ты очень изменился за последнее время. Эта поездка в Стамбул очень повлияла на тебя. Здесь ведь не обошлось без Михримак-султан, верно? Это ведь ее рук дело? Она надоумила тебя?

– Никто не может указывать мне, как поступать. Никто. Это мое решение.

Нурбану открыла рот, чтобы возразить, но Селим развернулся и стремительно вышел, захлопнув за собой дверь, не позволив ей вымолвить ни единого слова. В изнеможении она опустилась на диван. За свою не слишком долгую, но насыщенную яркими событиями жизнь она прошла через многое. Обида, грусть, ненависть, ярость, злость – все эти чувства были ей знакомы. Однако то чувство, которое она испытывала сейчас, не поддавалось описанию. Его нельзя было определить одним словом... Разочарование, страх, бешенство разрывали ее на части, но при этом ей хотелось громко расхохотаться. Ведь этого момента она ждала много лет, рисковала жизнью, свободой, не останавливалась ни перед чем. Нурбану была абсолютно уверена, что за годы жизни с Селимом она в совершенстве подготовила его к роли султана, а это

была очень непростая задача. Ведь до нее никто, в том числе сам Селим, и мысли не допускал о том, что он взойдет на престол, а вот она поверила в него и вдохнула в него силу. Нурбану родила ему детей, сначала девочек Гевхерхан, Эсмахан и Шах Султан, а затем и мальчика, Мурада, который стал бы невинной жертвой в этой войне, будь она проиграна.

Но они победили. Да, пролилось много крови, в том числе крови детей. Ей пришлось переступить через себя, заглушить голос совести. Когда она еще совсем юной девочкой оказалась в гареме, то сразу поняла, что отныне у нее два пути – либо богатство и могущество, либо забвение и смерть. И вот когда цель так близка, она оказалась на волосок от гибели. Селим, похоже, настроен решительно. Но ей уже неоднократно удавалось переубеждать его. Нет, она не может потерять все, к чему она стремилась, из-за какой-то нелепой глупости, наваждения, минутной слабости...

Ее размышления прервал стук в дверь. На пороге показалась верная Джанфеда-хатун. Она была приставлена к Нурбану сразу, как только та стала фавориткой шехзаде, и с того времени преданно ей служила. Джанфеда отличалась исполнительностью и покорностью, к тому же обладала находчивым, сметливым умом и не раз выручала свою госпожу в сложных ситуациях. За долгие годы, проведенные вместе, Джанфеда научилась безошибочно определять, в каком настроении пребывает ее хозяйка. Вот и сейчас, не прошло и доли секунды, как проницательная служанка догадалась, что с Нурбану не все в порядке.

– Госпожа, что случилось? Вы очень бледны.

– И на то есть причина. Султан Сулейман умер.

– О, Аллах! Мир праху его.

– Да, Джанфеда, но пока об этом следует молчать. Проблема в том, что шехзаде Селим намерен отказаться от престола.

– Как? Разве это возможно?

– Думаю, он просто устал. И еще его усилившаяся тяга к вину... Я всегда знала, что до добра это не доведет.

– Он хочет уступить престол шехзаде Мураду? Но, может, это к лучшему, ведь тогда Вы сразу станете валиде-султан.

Нурбану задумалась. Да, разумеется, она мечтала о том, чтобы стать валиде, она видела себя валиде, она чувствовала, что ей суждено примерить на себя роль первой женщины империи. Конечно, она будет валиде, именно ее запомнят как первую наложницу, которой удалось достичь такого высокого звания. В этом она превзойдет даже свою свекровь Хюррем-султан! Когда-нибудь... Но не сейчас.

– Не говори глупостей, Джанфеда! Это невозможно по двум причинам. Во-первых, я должна до конца оставаться со своим мужем и разделить его участь, ну а во-вторых... На Мурада сейчас нельзя рассчитывать. Он молод и неопытен, а главное подвержен очень сильному влиянию со стороны своей тетушки Михримах и своей фаворитки Сафие-хатун. Эта наложница полностью завладела его мыслями и устремлениями. Он сейчас целиком в ее власти, Джанфеда. Ты не могла не заметить, как он на нее смотрит. – Нурбану вздохнула. – Всему свой черед. Сначала я должна стать хасеки, и я ей стану!

Нурбану приказала служанке оставить ее одну. Она обвела гордым взором свои роскошные покои и горько усмехнулась.

– Нет, Михримах! Я знаю, ты только этого и добиваешься! Но у тебя ничего не выйдет!

Хотя, надо признать, она умна, эта дочь Роксоланы, все рассчитала предельно точно. Приблизила к себе Мурада, подарила ему умную и красивую рабыню, которая тут же влюбила его в себя. Да, она бы очень хотела, чтобы сейчас у власти оказался послушный и любящий племянник, к тому же молодой, неопытный и по уши влюбленный. Она не простила им с Селимом смерти Баязида и его сыновей и никогда не простит. А как она смотрела на Нурбану во время их последней встречи! Сколько обжигающий ненависти было в ее взгляде! Она мечтает только

о том, чтобы уничтожить ее, сделать ей больно, унижить, заставить страдать. Поэтому она не хочет, чтобы ее брат взошел на престол. Быть валиде при Мураде... Нет, к этому надо подготовиться, подготовиться за время правления Селима. Необходимо завоевать должный авторитет, чтобы, когда ее Мурад придет к власти, быть во всеоружии. Сафие-хатун очень быстро прибрала Мурада к рукам, окрутила его, как в свое время она сама окрутила Селима. Нурбану знала, чем это грозит. Раньше она была ночным соловьем, а теперь по ночам будет петь Сафие. В поединках между валиде и хасеки победа остается за последней. Так было с Хюррем-султан, которая взяла верх над валиде Айше Хафсой, так было и с ней самой – она знала, что значит для своего шехзаде гораздо больше, чем мать, хотя, безусловно, Селим очень любил и уважал свою валиде. От Сафие исходила опасность. Годы, проведенные в борьбе, научили Нурбану различать ее запах. За невинным ангельским личиком этой наложницы скрывается честолюбивая, жестокая, хладнокровная и коварная интриганка, способная на все. Дай Аллах, она родит девочку, тогда можно будет как-то избавиться от нее и спасти Мурада. Но вот если у них будет маленький шехзаде... Но пока Нурбану не хотела даже думать об этом! Нет, надо во что бы то ни стало переубедить Селима. Война продолжается, и занятых позиций она не уступит.

Мысли одна тревожнее другой проносились в ее голове. Впрочем, она думала не только о собственной выгоде, но и судьбе государства. Если Селим исполнит свое намерение, под угрозой окажется вся империя, которая останется без Повелителя. Нет, этого допустить нельзя. Слава Аллаху, теперь у нее, бывшей рабыни, есть возможность влиять на ход истории. Несмотря на только что произнесенные слова и мрачную решимость Селима, она отдала распоряжение о сборах и вызвала к себе Иосифа Наси.

5

Вообще Нурбану не очень жаловала дону Иосифа. Этот стареющий хитрый еврей с бегающими глазками имел слишком большое влияние на ее супруга. Они проводили вместе почти все время. Не было и дня, чтобы Селим не позвал дону Иосифа в свои покои. Когда между Селимом и Баязидом вспыхнула вражда, еврей принял сторону Селима, за что тот был ему крайне признателен и оказывал всяческую поддержку. Не последнюю роль играл и тот факт, что именно Наси занимался поставками кипрского вина, которое так нравилось шехзаде. Он был доверенным лицом Селима наравне с Мехмедом Соколлу, но с недавнего времени стал выходить на первый план. И это не удивительно, ведь Соколлу служил Повелителю и все время находился рядом с ним, а Наси, напротив, постоянно был подле Селима, вечно крутился у него под ногами. Он действовал исподволь, незаметно, и шехзаде, обсуждая с ним положение дел в своем санджаке, даже не догадывался, что принимает решение не сам, а действует по указке Наси. Сейчас эта еврейская хитрость будет весьма кстати.

– Дон Иосиф! Мне нужна Ваша помощь, – выпалила Нурбану, едва он переступил порог ее покоев.

– Зачем же я мог понадобиться госпоже? Даже ума не приложу, что заставило Вас вспомнить о бедном еврее.

Нурбану собрала с духом. Этот человек был ей неприятен, но другого выхода она не видела.

– Дон Иосиф! В последнее время Вы очень сблизились с шехзаде.

– И это огромная милость с его стороны. – Нурбану нахмурилась, она не любила, когда ее перебивают.

– Только что мы получили известие о кончине султана Сулеймана.

– О Аллах!

Немного помолчав, Нурбану продолжала:

– С шехзаде творится что-то странное. Он объявил мне, что намерен отказаться от престола.

У Иосифа вытянулось лицо, и даже бегающие глаза на мгновение остановились.

– Как? – только и мог выдохнуть он.

– Вы все понимаете, дон Иосиф. Понимаете, что своим решением он ставит под удар все – империю, будущее своего сына, да и Ваше будущее тоже. – Нурбану многозначительно посмотрела на него.

– Мое? Что Вы имеете в виду?

– Мы оба знаем, что я имею в виду, – тон Нурбану стал резким и отрывистым. – Прошу Вас, не заставляйте меня перечислять все те милости и привилегии, которые сулит Вам правление Селима. Вы же не хотите всего этого лишиться?

– Что я должен сделать, султанша?

Нурбану едва заметно улыбнулась.

– Наконец-то Вы меня поняли, дон Иосиф. То же, что делаете всегда. Убедите его. Вы это умеете.

– Но, госпожа, разве я могу соперничать в этом с Вами? Ведь шехзаде так любит Вас, Вы мать его сына и наследника, и я не вправе...

– Дон Иосиф, пожалуйста, не нужно всех этих увещеваний. К сожалению, вину любви Селим давно предпочитает то, которым угощаете его Вы. Действуйте, прошу Вас! Это в Ваших интересах. Мне неважно, какими методами Вы воспользуетесь, но Вы должны уговорить Селима изменить решение.

Теперь холодная усмешка тронула уста Наси.

– Как прикажете, госпожа.

Он поспешно поклонился и вышел.

Нурбану не ошиблась в доне Иосифе. Тот сразу осознал ее правоту. Если сейчас не уговорить шехзаде, все его усилия пропадут даром. А сколько подарков он сделал престолонаследнику, сколько золота и драгоценностей преподнес! Он строил грандиозные планы на правление Селима, связывал с ним огромные надежды. Неужели все напрасно? Нет, он не мог этого допустить. Действовать нужно незамедлительно. Иосиф направился к покоям шехзаде и попросил его об аудиенции. Один Аллах ведает, что именно он говорил шехзаде, но через три часа экипаж Селима уже двигался по направлению к столице.

6

Дильсизы положили тело лекаря в кожаный мешок и незаметно вынесли его из шатра. Подобные задания они получали не впервые. Никто, никто не должен узнать о кончине султана. Но долго скрывать правду все равно не получится. Надо что-то придумать. И Мехмед-паша придумал. Воины хотят видеть живого Повелителя, что ж, они его увидят! Он взглянул на Сулеймана, который, казалось, просто спал, но даже сейчас этот сон, уже вечный, вовсе не был безмятежным, словно какая-то тяжелая дума пронзила его и не отпускает даже сейчас, после кончины. Именно такое выражение лица в последнее время было у Сулеймана, и это им на руку. И даже закрытые глаза не помеха – пусть думают, что Повелитель прикрывает их от усталости или яркого света.

Несколько дней Мехмед-паша собственноручно гримировал своего великого господина, подкрашивал щеки кармином, бороду и волосы – сажей, и ни у кого из входивших в шатер не возникало и мысли о том, что перед ним мертвец. Более того, им ежедневно поставляли еду, и все приказы отдавались от имени султана. Спустя какое-то время в шатре начал распространяться зловонный запах, но Мехмед и тут нашел выход из положения. Соколлу уже давно приглядывался к одному из пажей, Озгюру. Это был немолодой слуга с бледным лицом, крючковатым носом и редкой бородкой. По всей видимости, он страдал от какой-то болезни. Подозвав его, Соколлу произнес следующие слова:

– Мне нужна твоя помощь, Озгюр-ага. Много лет ты верно и преданно служил великому султану Сулейману. Его больше нет с нами, Озгюр.

– О, Аллах! Какое несчастье! Мир праху его!

– Озгюр, прошу, слушай меня и не перебивай. Никто не должен узнать об этом, пока не должен, – сказал Мехмед, делая ударение на слове «пока». – Думаю, ты догадываешься, почему.

– Да, паша, я все понимаю. Вы опасаетесь восстания, верно?

– Верно, Озгюр. Султан Сулейман больше всего на свете хотел, чтобы передача власти прошла мирно. Поэтому я и вынужден все скрывать. Сейчас наступил критический момент. Мне нужен человек, который может сыграть роль султана семи стихий. И на эту роль я выбрал тебя.

– О, Мехмед-паша, я...

– Вознаграждение будет щедрым. Ты знаешь, я никогда не обижаю тех, кто оказывает мне услуги.

– Могу ли я отказаться! Я все сделаю, как вы велите, паша.

Озгюр в знак уважения склонил голову.

Под покровом ночи Мехмед-паша, Феридан-бей, а также Джафер-ага, оруженосец падишаха, с помощью дильсизов омыли тело почившего Сулеймана и временно погребли его под шатром. А на следующее утро появился новый Сулейман. Озгюр отлично справлялся с поставленной перед ним задачей. Впрочем, несмотря на всю ответственность, она не была чересчур сложной. Несколько дней слуга провел на султанском ложе, а затем после завершения ремонта крепости, на котором настаивал Мехмед-паша (разумеется, с тем чтобы потянуть время), войска, наконец, отправились в путь и выступили в направлении Стамбула. К тому времени Соколлу получил известие о вступлении на престол Селима II, знал, что тот скоро достигнет Белграда, но пока предпочитал отмалчиваться. Озгюр-ага все это время ехал в султанском палантине, усаженный среди подушек. И вот, когда армия подошла к Белграду и расположилась на привал, Великий визирь наконец объявил о кончине Сулеймана.

– Наш правитель, султан Сулейман Хан Хазретлери, Повелитель семи стихий, который уже при жизни достиг бессмертия, предстал перед Великим Аллахом.

По войску пронесся ропот. Янычары к тому времени уже обо всем догадывались, и нельзя сказать, чтобы они были сильно потрясены. Да, смелые османские воины ждали этих слов, но равнодушными все равно не остались. Султан Сулейман вызывал невольное восхищение. Ушел поистине величайший правитель, который находился у власти почти полвека. Что же будет теперь? Но думать было некогда, поскольку в тот же момент раздался возглас:

– Да здравствует новый султан Селимхан II Хазретлери!

7

Воины пали ниц, выражая почтение Повелителю, а Великий визирь Мехмеду Соколлу почему-то подумал, что с этого момента он уже не просто зять шехзаде, а зять самого султана. Незаметно для себя он погрузился в воспоминания.

Соколлу Мехмед-паша – безусловно достойный муж. Он сумел с лучшей стороны зарекомендовать себя во время правления Сулеймана, более того, стать ему настоящим другом. Понравиться господину, попасть в число его доверенных лиц – задача не из легких, но Соколлу с ней блестяще справился, и это притом, что судьба не была к нему благосклонна. Вообще в то время многие возвышались не благодаря, а вопреки. Байо Ненадич – таково первое имя Мехмеда-паши – стал одним из замечательных примеров, подтвердивших данное правило. Когда сербский мальчик, сын православного христианина Димитрия, получивший образование в монастыре, по девширме оказался близ Стамбула и был насильно обращен в ислам, ему казалось, что для него наступил конец света. Пусть не по своей воле, но он предал идеалы, которые с детства внушал ему отец. Его внутренний мир оказался разрушен до основания. Пережить такое непросто. Байо Ненадичу предстояло родиться заново, переломить себя и внутри, и во вне. Ему это удалось, хотя и стоило диких, нечеловеческих усилий. Он получил новое имя Мехмед и, дабы сохранить память о родной деревне Соколовици, взял прозвище «Соколлу».

Свою карьеру он начал со службы в элитном корпусе янычар. Это была прекрасная школа жизни, школа выживания, где его великолепные природные задатки получили достойнейшее развитие. Постепенно он научился быть жестким, даже жестоким, расчетливым и беспристрастным. На ратном поле он проявил себя смелым и сильным воином, а свой ум и дальновидность в полной мере продемонстрировал, став хранителем покоев султана Сулеймана. Более того, он сумел сделаться по-настоящему близким человеком для падишаха.

После казни Великого визиря Ибрагима-паши, которого султан любил как родного брата, у него не осталось настоящих, преданных друзей. А ведь Сулейман был не только Повелителем семи стихий, он был еще и человеком и жаждал обычного человеческого общения. Ему нужен был кто-то, с кем он мог не только обсудить государственные дела, но и поговорить по душам, поиграть вечером в шахматы, съездить на охоту и при этом знать, что собеседник не станет использовать его слова в личных целях. Он мечтал о доверительной беседе, но при этом хотел видеть перед собой умного оппонента, который бы умел слушать, не рассыпался в пустых и лживых комплиментах, не источал льстивые речи, а делал замечания по существу и вносил свои дельные предложения. И Соколлу прекрасно подошел на эту роль.

Более того, Мехмед дружил со знаменитым моряком и флотоводцем Хайр-ад-Дином Барбароссой, которого Сулейман ставил очень высоко. Султан в полной мере оценил эрудированность и неординарность Соколлу, ему нравилось, что рядом с ним не слуга, а личность, человек, который имеет по всем вопросам свое собственное суждение. Ему было интересно с Мехмедом, и, разумеется, этот интерес не мог остаться незамеченным. Стоит ли говорить, что сближение падишаха и вельможи пришлось по нраву далеко не всем. Однако, несмотря на негативное отношение к нему со стороны некоторых приближенных султана, Соколлу, благодаря врожденному чувству такта, удалось остаться в хороших отношениях даже со своими недругами. Он не вступал ни с кем в открытый конфликт, предпочитая до поры отмалчиваться и уходить в сторону. Султан Сулейман сделал на него ставку, назначив управляющим флотилией, и не прогадал. В награду за успехи он получил пост бейлербея Румелии, стоял во главе османских войск в сражениях с армией Фердинанда. Позже Мехмед-паша участвовал также в походе против Тахмаспа, персидского шаха, давнего врага Сулеймана, после чего вошел в состав Дивана и был назначен третьим визирем. Именно он подавил восстание лже-Мустафы, вспыхнувшее после смерти Мустафы истинного, который имел первоочередное право на трон после смерти

Сулеймана. Когда при загадочных обстоятельствах скончался Рустем-паша, Соколлу, уже не раз доказавший свою преданность Повелителю, стал вторым визирем. Вот тут-то в голову Кануни и пришла мысль выдать за него свою внучку Эсмахан. Точнее, он думал, что это его идея, на самом же деле, то была хитрость Нурбану: она навела Селима на мысль о возможности такого союза, а уж он, в свою очередь, как-то невзначай упомянул об этом в разговоре с Сулейманом.

Селим тоже благоволил Соколлу, он всегда отдавал должное незаурядным качествам этого политика и чувствовал в нем надежную опору. А уж когда он помог Селиму одержать верх в противостоянии с младшим братом Баязидом, их с Нурбану благодарность и вовсе не знала границ. Вообще Селим считал благословением Аллаха то, что когда-то он обрел такого друга и помощника. Соколлу из всех претендентов на престол выделял именно Селима, как будто чувствовал, что именно ему когда-то предстоит стать преемником своего великолепного отца. В отличие от многих своих современников, ценивших в правителях смелость, мужество и отчаянность (и потому любивших шехзаде Мустафу и Баязида), Соколлу обращал внимание на такие качества, как ум, расчетливость и терпение. Он считал, что только тот, кому присущи эти черты, сможет стать достойным правителем. Шехзаде Селим умел просчитывать ходы на несколько шагов вперед. Вместе с тем он был добродушным, спокойным и способным на дружбу и прощение. Как и его отец, он больше всего ценил в людях верность. Да, он никогда не рвался в бой, не стремился к роли лидера, но и оскорблений в свой адрес и в адрес своих близких тоже не терпел.

Именно так и произошло в случае с его братом: Баязид бросил вызов, Селим его принял. Он защищал не себя, а свою семью, любимую Нурбану и детей. Кроме того, именно Селима Сулейман объявил престолонаследником, и, следовательно, оказывая ему поддержку, Соколлу демонстрировал свою преданность великому султану. Да и не мог султан ошибиться. Ходили слухи, что он предпочитает Селима только потому, что внешне тот похож на его любимую Хюррем, но, разумеется, они не соответствовали действительности. В делах государственных Сулейман был далек от сентиментальности, он выбирал наследника не сердцем, а умом. Конечно, была и другая сторона медали – пристрастие Селима к спиртному. Мехмед-паша не мог не замечать, что с годами эта привязанность лишь усугубляется. Не раз он пробовал обсудить эту проблему с Нурбану, но та лишь разводила руками. Соколлу догадывался, в чем дело: помимо всего прочего, Селим был еще и очень совестливым человеком. Несмотря ни на что, он винил себя в смерти брата, а хмель помогал ему ненадолго забыться и уйти от мрачных мыслей.

Итак, Соколлу постепенно, «через тернии к звездам», пробивался наверх. Женитьба на Эсмахан стала, безусловно, венцом его политической карьеры. От таких предложений не отказываются. У Мехмеда были две жены, которые родили ему сыновей, но он их не очень-то любил и легко развелся с ними. Родственные связи с семьей султана сулили колоссальные привилегии, но в то же время ко многому обязывали. Соколлу водил дружбу с покойным Ибрагимом, который был женат на сестре Сулеймана Хатидже-султан, и знал от него, что это такое – быть зятем падишаха. По сути, это означало полное отсутствие личной свободы. Султанский зять был лишен права иметь свой гарем, зачастую он оказывался в зависимости от прихотей своей супруги, которая, если бы ей вздумалось, вполне могла отправить его на верную смерть, невзначай упомянув, что супруг ее чем-то обидел. Но Соколлу пошел на риск. Игра стоила свеч. К тому же Эсмахан была вполне недурна собой и не казалась коварной интриганкой. Впрочем, впечатление могло быть обманчивым, и паша это понимал. Мехмед знал ее, когда она была еще ребенком, даже иногда играл с ней, разговаривал, рассказывал о своих походах и подвигах, и она внимала ему с жадным интересом. Тогда он и предположить не мог, что эта малышка станет его супругой, но, видимо, Аллаху так было угодно. Эсмахан, как ему казалось, полностью покорила судьбе. Он видел, что она не любит его, но и не требовал от нее откровенных

признаний, да и как можно было требовать? Он и сам никогда не говорил ей о чувствах, разве что только в первую ночь.

– Султанша, я знаю, Вы ко мне ничего не испытываете. Я не могу требовать от Вас...

Она стояла перед ним, склонив голову, и дрожала, точно серна, оказавшаяся в плену и ожидающая расправы. Сокоглу видел, что она испытывает страх, настоящий, непридуманный страх. Меньше всего он желал причинять ей боль, но, глядя на нее, такую юную и невинную, он чувствовал, как его накрывает волна дикого, необузданного желания, которому он не в силах противостоять.

– Вы дрожите, султанша? Пожалуйста, не надо. Я хочу, чтобы Вы знали: между нами ничего и никогда не произойдет, если на то не будет Вашей воли. Прошу Вас, посмотрите на меня!

Она подняла глаза. Зря он попросил ее об этом. Ему показалось, что он буквально тает под взглядом этих удивительных, широко открытых серо-зеленых очей. Да, его положению не позавидуешь: он был законный муж, но не господин, не главный, главной была она. И только от нее, от ее слова зависело, получит ли он желаемое.

– Вы непередаваемо прекрасны! Поверьте, за свою жизнь я повидал много женщин привлекательных, даже красивых, но никто из них не был достоин Вас.

Она вновь опустила глаза, чувствуя, как ее щеки заливают краска стыда.

Он взял ее за руку. Да, он больше всего на свете жаждал, чтобы она отдала ему себя, но ни за что на свете не стал действовать силой. Он коснулся ее подбородка, приподнял лицо вверх и опять заглянул ей в глаза. Затем приблизился и прикоснулся губами к ее налитым розовым губкам. Она не сопротивлялась. Поцелуи становились все более страстными и настойчивыми. Он обнял ее за талию и привлек к ложу. Не веря своему счастью и боясь спугнуть удачу, он старался действовать быстро, но в то же время осторожно и нежно. В ту ночь он был счастлив, впервые за долгие годы счастлив по-настоящему. Он благодарил Аллаха за то, что Он позволил ему испытать такое счастье. Но на следующий день Эсмахан почти все время молчала, и явиться к ней снова он не решился. Он вспоминал прошедшую ночь, и его счастье и без того было невозможно большим.

Сокоглу почти все время проводил в Топкапы, помогая Сулейману в управлении государством, часто ездил в отдаленные провинции, выполняя поручения великого султана. Молодую жену он видел нечасто, а общался с ней и того реже. Однажды, когда он вернулся из Кютахьи, где помогал шехзаде Селиму улаживать проблемы с местными торговцами, Эсмахан не вышла к нему навстречу, хотя до этого всегда приветствовала своего супруга. Он тотчас подозвал служанку.

– Где Эсмахан-султан? С ней что-то случилось?

– Нет, господин. Султанше немного нездоровится.

– Что с ней? Это серьезно? Ее осматривал лекарь? Немедленно вызовите ее!

Гизем-хатун, пожилая женщина, уже давно занимавшая должность – почетную должность личного лекаря Мехмеда Сокоглу, не заставила себя долго ждать. Она поклонилась и внимательно посмотрела на своего хозяина, ожидая вопроса.

– Гизем-хатун, что с моей женой? Мне сказали, она не встает с постели. Как она?

– Не беспокойтесь, господин. С госпожой все в порядке. В последнее время ее, правда, сильно тошнит, но для ее состояния это абсолютно нормально? – Гизем улыбнулась. – Поздравляю Вас, господин.

Сокоглу сразу понял, о каком состоянии шла речь, ведь он уже имел детей от прежних жен. Его сердце радостно забилося. Эта новость стала для него еще более приятной из-за своей неожиданности. Ведь он уже совсем не молод, да и султанша принадлежала ему всего один раз, и он не мог даже представить себе, не смел надеяться... И вот, хвала Всевышнему, он скоро снова станет отцом! И родит ему не кто-нибудь, а дочь шехзаде Селима, внучка самого

Сулеймана Великолепного! Его сын будет султанзаде, в его жилах будет течь кровь Династии! От волнения и замешательства он не мог произнести ни слова.

– Слава Аллаху, – наконец смог вымолвить он дрожащими губами. – Гизем-хатун, могу я видеть свою жену?

– Да, только недолго. Бедняжка тяжело переносит беременность, ей действительно несладко. Сейчас самые тяжелые дни.

Он не помнил, как шел, нет, летел к ней. Эта новость буквально окрылила его до такой степени, что он вновь почувствовал себя бодрым и молодым. А еще его переполняла гордость. Нет, зря он считал себя стариком. Не каждый молодец смог бы вот так, с одного раза, а у него получилось.

Она лежала, бледная и осунувшаяся. Даже сквозь одеяло он заметил, что она сильно похудела.

– Султанша, Вы осчастливили меня! Я не могу передать Вам, что я чувствую.

– Господин, я рада, что Вы уже все знаете.

– Пожалуйста, Эсмахан, не называйте меня господином. Это Вы моя госпожа, а я Ваш раб, и теперь уже навеки.

Она слабо улыбнулась и отвернулась.

Узнав о скором появлении правнука, Сулейман сделал Соколлу Великим визирем. Его и без того высокое положение при дворе еще более упрочилось. Лишь одно обстоятельство тревожило его и не давало покоя. Его жена с ним почти не разговаривала. Он не знал, что творилось в ее душе. Рада ли она? Понимает ли, что с ней происходит? Вряд ли. Наверняка ее душа в смятении, все ведь произошло так быстро. Казалось, ничто не могло поколебать его спокойной уверенности в себе, но почему-то он очень хотел, чтобы его жена доверилась ему. Да, они разделили брачное ложе, но духовного единения в их семье не было. Он сам не мог объяснить своего состояния. В конце концов, он получил то, чего хотел, почему его должны волновать чувства Эсмахан? Она подчинилась воле родителей и деда, он не сделал ей ничего плохого и никогда не сделает. Его совесть перед ней абсолютно чиста. Ему нужно просто делать свою работу и не обращать внимания на мелочи.

И все-таки он не мог успокоиться. Не мог, потому что хотел познать не только ее тело, но и душу, чтобы она вся, целиком принадлежала только ему одному. Ведь в Коране сказано, что цель супружества – не только продолжение человеческого рода, но и эмоциональное благоденствие и духовная гармония. В его основе – любовь и милосердие. Мехмед часто вспоминал стих: «Среди Его знамений – то, что Он сотворил из вас самих жен для вас, чтобы вы находили в них успокоение, и установил между вами любовь и милосердие. Воистину, в этом – знамения для людей размышляющих».

Но его жена оставалась для него тайной за семью печатями, и он никак не мог вызвать ее на откровенный разговор. Да и проводить с ней много времени не удавалось – государственные дела отнимали уйму сил. Он пытался уйти в работу с головой – просто чтобы не думать о ней. Ведь он, сам того не осознавая, полюбил эту девочку. В ней было что-то необыкновенно притягательное, может, как раз ее неприступность. Да, она стала его законной женой и носила его ребенка, но ему еще предстояло ее по-настоящему завоевать.

8

– Да здравствует новый султан Селимхан II!

Янычары осознавали историческую важность момента, но вряд они могли возлагать какие-нибудь серьезные надежды на нового султана и уж точно не испытывали к нему уважения. Эти люди, сильные, жестокие, неспособные на жалость и сострадание, за годы службы научились быть черствыми и безучастными. Султана Сулеймана они, безусловно, уважали за его прежние заслуги, но прекрасно понимали, что его время ушло, что он уже стар и ему пора на покой. В роли правителя они видели шехзаде Мустафу, который был их любимцем. Ведь, по сути, именно они воспитали его и потому считали своим султаном. Но даже их любовь и поддержка не спасли его от гибели. Они были готовы пойти за Мехмедом, за Баязидом, даже несмотря на то, что их родила ведьма-роксоланка Хюррем. Но Селим... Только не он. Не мог он внушить уважение бесстрашным воинам, не таков был человек, не таков. Ему не доставало величия, уверенности и гордости, которая отличала Сулеймана и его старших сыновей. С другой стороны, Селим – единственный наследник Династии великих османов, сын султана Сулеймана, Повелителя семи стихий, и других кандидатов на трон нет (кроме его сына шехзаде Мурада, правившего Манисой, но тот еще слишком молод и пока не изъявляет желания управлять империей).

Вообще, янычары – совершенно особая каста. Это верные подданные своего султана, которые служат ему и делают все по его приказу, и в то же время, не заручившись их поддержкой, султан не сможет закрепиться у власти. Первый корпус янычар был создан еще два века назад и состоял из пленных юношей – неверных, которых впоследствии обратили в ислам. С того времени их численность только росла, а вместе с тем возрастала и степень влияния, которое они оказывали на дела в государстве. Смелые, решительные, прекрасно обученные воины, которым запрещалось заводить собственные семьи и потому нечего было терять, они прекрасно осознавали свою силу и умели ей пользоваться в нужный момент. Неизвестно, кто от кого зависел – янычары от своего Повелителя или Повелитель от янычар.

Янычары не были богаты, но обладали целым рядом преимуществ. В мирное время, прогуливаясь по улицам Стамбула, они держали себя с достоинством и гордостью, которая говорила о том, что они своим доблестным трудом заслужили привилегированный статус и имеют право на особое отношение к себе со стороны остальных жителей империи. Это в некотором роде означало их неподсудность. Величие и осознание собственной значимости просматривались в каждом предмете одежды, которую они носили – от белоснежного тюбана до носков грубых красных туфель. К их поясам были привязаны маленькие лопатки. Благодаря этому смешному, на первый взгляд, оружию, османы смогли отвоевать у неверных множество крепостей и помогли государству стать самым сильной и могущественной империей, которую когда-либо знал мир. И ничто, ничто не могло удержать этих людей, когда они собирались вместе и пускали в ход свои лопатки.

Каждый раз при восшествии на престол нового султана янычары получали подарочные деньги, бакшиш. Это повелось издавна, и, несмотря на то, что с момента последней церемонии прошло почти пятьдесят лет, янычары помнили о данной традиции. Они ждали, что новый султан Селим II тотчас сообщит им о вознаграждении, но чем дольше они слушали его речь, тем скорее теряли надежду. Он благодарил их за подвиги, за верную службу на благо Отечества, обещал, что продолжит дело своего великого отца Сулеймана I... Они терпеливо ждали, но так и не услышали того, чего так жаждали услышать. Гул становился все громче, и вот уже речь султана стали перебивать крики:

– Что с подарками, повелитель?

Селим озадаченно взглянул на Соколу. Тот едва заметно кивнул.

– О да, безусловно, достойная служба стоит достойной награды! В ближайшее время вы все получите вознаграждение!

Селим старался, чтобы его голос звучал спокойно, но в душе его терзали сомнения. После окончания церемонии он подошел к Соколлу и справился о состоянии казны. Худшие опасения подтвердились.

– Повелитель, средств осталось очень мало.

– Но как же так, паша? Я уже пообещал воинам... Мне даже страшно предположить, что может случиться...

– Повелитель, можно пока выдать небольшую сумму. Ну и пообещать им в дальнейшем повысить жалование. Думаю, так мы сможем унять недовольство, по крайней мере, на какое-то время.

– Действуйте, паша.

Находиться среди воинов Селиму не нравилось. Ему претила эта походная жизнь. К тому же он ощущал опасность, исходившую от подданных. Он вообще умел чувствовать обстановку – именно эта способность не раз спасала его от верной гибели. А еще его не покидала мысль, что он занимает не свое место. Он гнал, гнал ее, но она преследовала его, точно назойливая муха, и не давала покоя. Покой... Скорее всего, отныне ему придется навсегда забыть, что это такое.

9

Ниса не помнила своей прошлой жизни, да и была ли эта прошлая жизнь? Она в этом не уверена, хотя все говорят, что была. Иногда перед глазами возникали какие-то смутные образы: поле, река, солнце, радостный детский смех... Но эти воспоминания были настолько мимолетными и обрывистыми, что она не придавала им никакого значения. Да и окружающих, как ей казалось, подробности ее прежней жизни отнюдь не интересовали. С момента своего появления на невольничьем рынке, она явственно осознала, что здесь, на этой неведомой земле, на которой она неведомо как очутилась, интересуются прежде всего ее телом, а не душой. Ее рассматривали как товар и обращались соответственно – аккуратно и бережно, как с какой-нибудь драгоценной вазой или хрустальным кувшином, но не как с человеком. Она понимала, что это место ей чуждо: язык, обычаи, поведение людей, находившихся рядом, – решительно все было ей незнакомо. Капитан судна, на котором она очнулась, пытался что-то объяснить ей, но она не поняла ничего из сказанного, потому что он говорил на незнакомом ей языке. Он отвел ее в какой-то богатый дом и показал тамошнему хозяину. Тот довольно кивнул, и девушка осталась. Ей выделили отдельные покои, правда, ложе ее оказалось довольно низким, что также было для нее непривычно. Она чувствовала, что раньше ей никогда не приходилось спать на подобных кроватях. К ней приставили нескольких служанок, которые помогли ей раздеться, расчесали ее густые темно-каштановые волосы и отвели в купальню. Что ж, пребывание там оказалось довольно приятным, да и, как ей показалось, ее кожа стала гораздо нежнее и белее. Смущало только, что никто не говорил на ее родном языке.

– Где я? Пожалуйста, расскажите мне! – обращалась она к своим прислужницам, но те словно делали вид, что не слышат ее.

Она уснула, полная страхов и сомнений. На следующий день ей принесли странное одеяние, нечто вроде туники из белоснежной ткани, которая свободными складками спадала вниз. Ее лицо спрятали под платком, так, что оставались видны одни глаза. Девушка не сопротивлялась, да и не могла сопротивляться. Ей хотелось только, чтобы ей объяснили, что с ней происходит. Судя по всему, эти люди не желают ей ничего плохого. Но они говорят на незнакомом языке, да и ведут себя странно, и это ее очень пугало.

Хозяин дома, в котором она провела ночь, сопровождал ее в какое-то место, где было очень много снующих туда-сюда людей, и, поравнявшись, остановился в условленном месте и долго разговаривал с неизвестным темноволосым мужчиной не высокого роста, при этом указывал на девушку, которая стояла, вжав голову в плечи, и размахивал какими-то документами. Развязав ленты на тунике, он раздел ее сначала по пояс, а затем и полностью. Она чувствовала себя беззащитной и слабой, пыталась загородиться, в глазах был ужас. К тому же дул сильный, пронизывающий ветер, и по коже тут же побежали мурашки. Невысокий мужчина придиричливо осмотрел ее, затем кивнул головой и бросил хозяину кошель, по-видимому, с золотом. Тот довольно хмыкнул, раскланялся и в спешке удалился. Испуганная девушка дрожащими руками начала завязывать ленточки и вдруг поняла, что произошло: ее продали! Покупатель взглянул на нее, и чуть заметная улыбка тронула его уста.

– Пойдем со мной, – эти слова были произнесены на том языке, который она поняла. – Ничего не бойся, Ниса.

– Ниса? Но это не мое имя! – конечно, она не могла утверждать наверняка, но какое-то шестое чувство говорило ей, что имя это чужое.

– Нет, теперь твое. Ниса означает «красивая женщина». Каждая наложница, попадающая в гарем султана, получает новое имя. Ты будешь называться Ниса.

– В гарем? Какой еще гарем? А Вы кто такой?

– Меня зовут Газанфер-ага, я служу султану Селиму II, сыну Сулеймана Кануни и прекрасной Хюррем-султан.

Названные имена и титулы не вызывали у Нисы никаких ассоциаций и не произвели никакого впечатления. Она вопросительно смотрела на собеседника. Тот снова усмехнулся.

– Не волнуйся. Тебя никто не обидит. С тобой будут заниматься, обучат языкам, танцам, игре на музыкальных инструментах и...

Он осекся.

Ниса не стала уточнять. Она задала ей главный вопрос, ответ на который жаждала получить все это время.

– Скажите мне, пожалуйста, где я вообще нахожусь?

– Ты в Стамбуле, столице блистательной Порты!

Что ж, девушке ничего не оставалось, как покориться. Отныне она будет жить в Стамбуле и отзываться на имя Ниса.

– Послушайте, я должна Вам сказать... Вы, наверное, не знали об этом... Я ничего не помню о своей жизни, не знаю, кто я такая...

Мужчина снова усмехнулась.

– Зато я знаю. Тебя зовут Ниса, и отныне ты принадлежишь султану Селиму. Ты свободно говоришь по-французски, стало быть, европейка. По твоим манерам я вижу, что из хорошей семьи. И еще мне известно, что ты девственница. Этого вполне достаточно.

Ниса покорно склонила голову.

– Понимаю, тебе очень трудно осознать все сразу. Это даже хорошо, что ты не ничего не помнишь. Тебе будет легче принять свое новое положение. Некоторые невольницы с трудом расстаются с воспоминаниями о прошлой жизни, а у тебя этой жизни как будто бы и не было. Считай, что сегодня ты родилась.

Ниса внимательно посмотрела на Газанфера-агу. Она с трудом могла определить его возраст. Она был не молод, но еще и не стар, не слишком хорош собой, но и не дурен, не худой, но и не толстый. Словом, ничего примечательного в нем не было. Хотя нет, что-то необычное она заметила. На лице у него не было ни единого волоска, как будто перед ней не взрослый мужчина, а маленький мальчик. Это показалось Нисе очень странным, но спросить она не решилась.

10

Они приехали во дворец невиданной красоты. Нисе показалось, что она попала в сказку, настолько сильно захватывало дух от величественной нереальности этого места. Огромный, таинственный, прекрасный... Чувствовалось, что за его сводами скрывается немало тайн.

Дворец назывался Топкапы, что означает «пушечные ворота». Топкапы располагался на месте впадения Босфора в Мраморное море. Его основал султан Мехмед Завоеватель, и он долгое время оставался лишь местом пребывания султана, но при Сулеймане все изменилось – его хасеки Хюррем-султан добились, чтобы сюда перенесли гарем, поскольку хотела держать под контролем и султана, и наложниц.

Газанфер рассказал, что в Топкапы несколько дворов, которые окружены стеной и разделены между собой. Главные ворота, или Ворота Повелителя, ведут в первый двор, в котором находятся служебные и подсобные помещения. Второй двор помещается за Воротами Приветствия, здесь проходят заседания Дивана (то есть совета при султани), а также казначейство. Ну а они направлялись в третий двор – через Ворота Счастья. Здесь и находится гарем, или, по-другому, сераль.

Газанфер-ага провел ее в большие покои, и она увидела множество девушек, которые занимались уборкой. За ними присматривала высокая немолодая женщина, которая расхаживала туда-сюда и отдавала приказания:

– Мой тщательнее! Вот здесь, посмотри, пропустила! Давайте, давайте, живее!

Завидев гостей, она тотчас направилась к ним. Ниса успела обратить внимание, что она прихрамывает на одну ногу.

– Приветствую тебя, Нергис-калфа!

– Газанфер-ага, чем обязаны?

Это новая рабыня. Куплена сегодня в подарок Повелителю по приказу Нурбану-султана.

Нергис-калфа округлила глаза. «Хм, она решила показать всем, кто здесь главный? Быстро же! Султан Селим еще даже из похода не воротился», – подумала калфа, а вслух произнесла:

– Как зовут эту хатун?

– Ниса. Прошу тебя, Нергис-калфа, помоги девушке расположиться. Скоро сюда пожалует султанша!

И действительно, не прошло и получаса, как раздался возглас:

– Внимание! Нурбану-султан Хазлетлери!

Двери распахнулись, и Ниса увидела высокую стройную женщину в великолепном голубом одеянии, усыпанном драгоценными камнями. Ее нежный подбородок был чуть вздернут, а решительный взгляд устремлен вперед. В каждом шаге чувствовалось внутреннее достоинство. Было видно, что эта женщина знает себе цену, а такие понятия, как скромность и неуверенность в себе, ей и вовсе чужды. Невольницы тут же повскакивали со своих мест и преклонили головы.

Газанфер-ага подвел Нисе к своей госпоже.

– Вот, султанша. Это та рабыня, которую я приобрел по Вашему указанию.

Нурбану внимательно посмотрела на девушку. От ее холодного взгляда Ниса почувствовала себя неловко.

– Да, она недурна. Но моему сыну, – добавила она, понизив голос так, чтобы ее слова слышал только Газанфер, – одной красоты будет недостаточно. Она дала знак Нергис-калфе, и та подошла к ней.

– Султанша?

– Нергис-калфа, займись этой хатун. С ней нужно позаниматься, все ей рассказать. Процесс обучения я буду контролировать лично. И еще: султан Селим не должен увидеть ее.

– Но госпожа, как я посмею скрыть...

– Ты стала плохо слышать, Нергис-калфа? Повелитель не должен ее увидеть, – произнесла она по слогам. – Ты все поняла?

– Да, султанша.

Нергис склонила голову, выражая свое почтение, а Нурбану, еще раз бросив взгляд на невольницу, которую ей только что представили, так же гордо удалилась.

11

Постепенно Ниса привыкала к жизни в серале. Нергис-калфа почему-то отнеслась к ней очень бережно, они нередко гуляли в саду и подолгу беседовали. В одну из таких прогулок Нергис подробно рассказала ей об организации гарема. К немалому удивлению Нисы, оказалось, что здесь присутствует четкая иерархия.

– Запомни, все женщины гарема делятся на две категории, джарийелер и гедикилер, служанки и привилегированные, – говорила Нергис. – Первые выполняют грязную и тяжелую работу, вот как я, например. – Калфа усмехнулась. – Они не могут рассчитывать на то, что когда-либо окажутся на ложе султана, и все их усилия направлены на то, чтобы продвинуться по служебной лестнице и отложить себе на старость. Хотя, разумеется, бывает, кому-то из них везет и она привлекает внимание Повелителя, но это большая редкость.

– А вторая группа, Нергис?

– Здесь одним кропотливым трудом не обойтись. Сюда попадают только настоящие красавицы и умницы, те, кто сумел отличиться, например, способностью в игре на музыкальных инструментах, танцах, пении. Тебе повезло иметь такую покровительницу, как Нурбану-султан, как видишь, она сразу определила для тебя привилегированное положение. Так вот, та невольница, на которую султан обращает внимание, становится гезде, то есть оказывается «на примете». Такой девушке выделяют покои и начинают готовить ее к предстоящей встрече с падишахом. Если встреча состоится, невольница станет икбал, а если родит ребенка, то получит статус кадины, или жены, султана. Всего у него может быть четыре жены. А если рождается мальчик, и этот мальчик старший, то его мать становится бас-кадиной, старшей женой. Предел мечтаний всех женщин в гареме – стать валиде-султан. Это мать султана, она главная в гареме и пользуется огромным авторитетом и практически безграничной властью.

– А кто сейчас валиде-султан?

Нергис-калфа улыбнулась.

– Покойному султану Сулейману было семьдесят два года. Его любимая жена Хюррем-султан, мать нынешнего султана, который всего пару дней назад ступил на престол, скончалась восемь лет назад. После смерти почтенной валиде Айше Хафсы, матери Повелителя, гаремом руководила Хюррем, а после ее кончины и до сей поры – Михримах-султан, любимая дочь Повелителя, родная сестра султана Селима. Она и сейчас не отошла от дел, но и Нурбану-султан, как видишь, не желает оставаться в стороне. Думаю, она будет делать все, чтобы власть в гареме перешла к ней.

– А других жен у покойного султана не было?

– Были, разумеется, но до Хюррем. Сыновья Фюлане и Гульфем еще в детстве умерли от оспы, Мустафа от Махидевран был замешан в заговоре против отца и его казнили по приказу султана – наш Кануни не прощал предательства. Но самой большой любовью в его жизни была Хюррем-султан. Она родила ему пятерых сыновей – шехзаде Мехмеда, Абдуллу, Селима, Баязида и Джихангира – и дочку, Михримах-султан. Шехзаде Абдулла скончался во младенчестве от чумы, Мехмед умер уже будучи санджакбеем в Манисе от оспы. Наша госпожа всегда считала, что его заразили намеренно, правда, ей так и не удалось этого доказать. Джихангир, младший, родился калеккой. У него поистине несчастная судьба. Он с детства обожал брата Мустафу, а когда тот умер, его болезнь начала прогрессировать, и вскоре его не стало.

– А двое оставшихся братьев?

– О, они никогда не ладили. С самых ранних лет соперничали, все время спорили, ссорились. С годами эта вражда только усиливалась. Пока была жива Хюррем-султан, ей удавалось сдерживать их пыл, но после ее смерти... Баязид собрал войско, но был разбит войсками отца

и Селима, потом бежал в Иран, но тамошний правитель, шах Тахмасп, выдал его, и он был казнен вместе со своими пятью сыновьями.

– С сыновьями? Но зачем? В чем они провинились?

– Ни в чем. Но древний закон гласит: «Любой человек, кто посмеет посягнуть на султанский трон, должен быть немедленно казнен. Даже если этот человек – мой брат», – эти слова когда-то произнес великий султан Мехмед Фатих Завоеватель. Поэтому каждого, кто может хотя бы теоретически претендовать на престол, ждет смерть.

– Но это ужасно, бесчеловечно...

– Да, но таков закон. И, между прочим именно благодаря данному правилу наша империя остается сильной и могущественной, поскольку в противном случае внутренние распри непременно бы ее развалили. Правда, Хюррем-султан пыталась уговорить супруга отменить закон Фатиха, ведь она же в первую очередь была матерью и не хотела допустить смерти своих сыновей. Но, несмотря на огромную любовь к ней, в этом вопросе он остался не склонен. Султан не прощал тех, кто смел посягнуть на его власть.

Ниса задумалась. Услышанное произвело на нее неизгладимое впечатление.

– Но если султан так любил свою жену, почему он не распустил гарем?

– Это было бы нарушением всех правил, а их и так уже нарушено немало. Такова традиция, Ниса. Повелитель должен находиться в окружении красивых женщин, а уж захочет ли он воспользоваться услугами какой-нибудь из них – это его дело. Потом, воспитанница гарема может стать превосходным подарком, например правителю другого государства или вельможе, которого султан захочет поощрить. Да, покойный султан не нуждался в ласке, но кто знает, каким будет Селим? Хотя, судя по всему, он горячо любит Нурбану-султан. Она родом из Венеции и, как ты успела заметить, дьявольски красива и чертовски умна. Ей удалось покорить сердце шехзаде Селима. Она родила ему сына Мурада, который должен взойти на престол после отца и четырех дочерей, – тут Нергис-калфа перешла на шепот. – Говорят, именно она спровоцировала войну между братьями, – она снова повысила голос. – Султан Селим ее обожает, и вряд ли кому-нибудь из наложниц удастся занять ее место.

– А зачем ей понадобилась я?

– Хороший вопрос. В любом случае тебе не следует волноваться. Здесь ты сможешь многое узнать, выучишь турецкий, если захочешь, и арабский, научишься красиво писать и говорить. Кроме того, по прошествии нескольких лет тебя могут выдать замуж за какого-нибудь distinguished чиновника, и тогда твоя жизнь будет устроена. Вообще советую тебе поменьше думать и побольше слушать. Что бы ни задумала госпожа, ничего плохого она тебе не сделает, – при этих словах голос калфы слегка дрогнул, или Нисе показалось?

В этот момент Нергис неожиданно и как-то нелепо присела. Ниса едва успела подать ей руку.

– Что случилось, Нергис-калфа?

– Нога! Это очередной приступ, – Калфа говорила через силу.

– А что с ногой?

– Долгая история. Попав в гарем, я сильно тосковала по родному дому и вела себя очень дерзко и непокорно. Однажды пыталась бежать, но меня, естественно догнали, и подвергли жестокому наказанию – избиению палками, – увидев испуг в глазах Нисы, Калфа поспешила ее успокоить. – Не волнуйся, этот способ сейчас практически не применяется. Девушек, которые ведут себя неподобающим образом, секут розгами, только и всего, – она произнесла эту фразу таким тоном, словно, действительно, не видела в избиении ничего страшного, но Ниса между тем невольно содрогнулась. Калфа продолжала: – Сначала все было нормально, но с возрастом нога дает о себе знать, особенно когда приближается полнолуние.

Ниса посмотрела на нее с жалостью и состраданием.

– А позволь, я осматрю твою ногу, Нергис-калфа, – попросила она, сама не зная почему.

Нергис удивленно взглянула на девушку.

– А чего ты хочешь там увидеть? Опухшая нога старой женщины, и только.

– И все же, прошу тебя, Нергис-калфа. Ниса не могла объяснить себе своей настойчивости. Просто когда она слушала рассказ Нергис-калфы, в ее сознании снова возник какой-то смутный образ, какой-то кусочек ее прошлой жизни. Она смотрела на калфу и видела множество других, незнакомых ей людей, которые говорили о боли. Не дожидаясь ее разрешения, Ниса прикоснулась к ее ноге – и о чудо – Нергис почувствовала себя лучше. Боль, если не ушла совсем, то значительно притупилась. Калфа не могла в это поверить. Изумленная, ошарашенная служанка глядела на нее во все глаза, затем поднялась со скамейки и попробовала пройтись. Нога действительно не болела. Это было какое-то чудо.

– О, Аллах! Как ты это сделала?

– Не знаю... Я ничего не делала. Я просто хотела помочь. Умоляю, не наказывай меня!

– Что ты! Ты не представляешь, как облегчила мои страдания! Эта боль терзала и мучила меня много лет, а ты избавила меня от нее! Да ты послана нам небесами! Ты, наверное, и раньше лечила людей?

– Наверное... Я не помню. Кажется, да.

– Но ведь тебя за такое могли обвинить в колдовстве, не так ли? Впрочем, зачем я тебя расспрашиваю? Знаешь, давай-ка пока сохраним это в секрете, хорошо? Твой дар может стать твоим спасением, но может и погубить тебя. Мне нужно поразмыслить кое о чем.

Калфа замолчала. Вроде бы происшествие незначительное, может, это и правда случайность... А если нет? Если эта девушка действительно обладает даром облегчать боль и исцелять людей от недугов? В любом случае об этом пока следует молчать. Хотя одному человеку она все-таки расскажет. Обязана рассказать.

12

Войско продолжало двигаться в сторону Стамбула. Зрелище было поистине великолепным. Впереди несли флаги, затем попарно ехали на лошадях чавуши и шли артиллеристы с аркебузами и кривыми саблями. Далее следовали пехотинцы, которые несли оружие, за ними – сипахи с луком, стрелами и пиками. Они были одеты в звериные шкуры, подобно мифическим героям.

За ними следовали янычары под предводительством своего аги. Впереди командиры несли знамена янычарского корпуса. На них не было доспехов, а их оружие – кривые сабли, аркебузы и те самые лопатки небольшого размера, которых опасались все, кто когда-либо имел дело с янычарами. Толпа с любопытством глазела на деревянное оружие и пушки. За знаменосцами янычар следовали дервиши, которые пели и кружились в какой-то неистовой пляске. Затем несли султанские штандарты, потом флаги и знамя Пророка. Далее в сопровождении конюхов гарцевали лошади Соколлу, покрытые свисающими до земли попонами. Кто-то ехал верхом, а кто-то вел лошадь под уздцы. На теле у них были кольчуги, а на голове – специальные шапочки. Затем показался муфтий, за ним – Великий визирь Мехмед-паша и сам император Селим II, который улыбался толпе тревожной, но благосклонной улыбкой. Его окружали сипахи с пиками, луками и стрелами, а далее следовала конница. Всадники были облачены в кольчуги и шлемы без забрала, а лошади покрыты попонами, расшитыми золотом. То были дворцовые слуги, причем справа от султана находились только левши (так повелось издавна): когда они доставали стрелы и натягивали тетиву, картина получалась симметричная. Сзади двигались навьюченные лошади и верблюды, тянущие огромные пушки.

Эта великолепная процессия производила потрясающее впечатление. От нее в буквальном смысле слова захватывало дух. В народе уже знали о кончине султана Сулеймана, знали, что войско возглавляет новый Повелитель, и это еще больше подстегивало всеобщее любопытство.

Буря на душе у Селима немного поутихла. Он решил, что самое страшное уже позади. Уже совсем скоро он будет дома, увидит Нурбану и детей (недавно он получил известие, что шехзаде Мурад выехал из Манисы, дабы присутствовать на похоронах своего великого деда и засвидетельствовать почтение отцу). Хорошо, что рядом был Мехмед Соколлу. В его присутствии Селим чувствовал себя в полной безопасности. Этот человек оказывал на него какое-то магическое действие. Новый султан не уставал благодарить Аллаха за то, что он послал ему такого прекрасного визиря. «Безусловно, государственные дела следует препоручить ему. Он знает, что делать и никогда не ошибается», – размышлял про себя Селим.

13

Меж тем в стане янычар нарастало волнение. Новый султан объявил о деньгах, но пока слова так и остались словами, и не похоже было, что им скоро заплатят. Это, разумеется, вызывало недовольство. Жестокий и умудренный опытом ага янычар понимал, что сейчас самое подходящее время для бунта. Пусть Селим в самом начале своего правления поймет, что с янычарами шутить нельзя. Да, он стал султаном по воле Аллаха, хотя и не заслуживал этого, так пусть ведет себя уважительно по отношению к тем, кто будет проливать за него кровь. Он переговорил со своими поверенными, и те принялись сеять смуту и панику и распалять уже и без того готовых взорваться воинов.

– Что же это такое?

– Где обещанное жалование?

– Наш ага ходил к повелителю, но он не пожелал его принять! Он не хочет даже выслушивать наши требования!

– Выхода нет! Мы сами возьмем то, что нам должны были заплатить!

– Что ж, если так, мы все равно сделаем так, чтобы он их услышал! Пусть теперь вместо нас заговорят наши мечи!

– Если новый султан нас не жалует, мы сами себя пожалуем! Мы возьмем то, что принадлежит нам по праву!

– Аллах видит, наши помыслы чисты!

– Он не войдет в Стамбул, пока мы ему не позволим! Его допустят во дворец – только если он примет наши условия!

Вскоре крики достигли слуха Селима. Его сразу охватило беспокойство.

– Что там случилось, Соколлу?

– Похоже, янычары волнуются. Сейчас все выясню, Повелитель.

Спустя несколько минут Мехмед-паша отчитывался перед султаном.

– Дела плохи, мой господин. Янычары...

– Что, Соколлу?

– Они не хотят продолжать путь, пока их требования не будут выполнены, Повелитель.

Селим нахмурил брови. В его глазах ясно читался страх. Ему было прекрасно известно, какими жестокими и опасными бывают бунты янычар, насколько страшны и неукротимы они в гневе. Он отлично знал о восстании 1525 года (разумеется, понаслышке, ведь сам он в то время был еще младенцем), когда янычары громили дома неугодных им сановников, грабили рынки и таможни, жгли все вокруг. Стамбул ведь был деревянным городом, и они пользовались этим. Они не щадили даже простых жителей и сметали буквально все на своем пути. Селиму не хотелось начинать свое правление таким ужасным образом.

– Что делать, Соколлу? – промолвил он еле слышно. – Насколько далеко они могут зайти?

– Повелитель, еще немного, и они разрежут бечевки Вашего шатра.

– Этого нельзя допустить, Мехмед-паша. Переговорите с их агой, узнайте, чего они хотят.

– Будет сделано, Повелитель.

Голова у Селима шла кругом. Он знал, что янычары потребуют денег, но бакшиш полностью опустошит казну. Сейчас он намеревался просто выиграть время. Главное – добраться до Топкапы.

Мехмед Соколлу был отличным дипломатом, но даже его дипломатические способности не помогали утихомирить янычар. Шествие продолжилось, но едва они прошли ворота в Эдирне и приблизились к площадке для парадов, янычары снова отказались следовать дальше. Момент был удобен: они как раз приступили к обеду, но, едва отведав кушанье, опрокинули свои котелки и закричали:

- Нам не нужна эта поганая еда от султана, который не ценит жизнь своих подданных!
- Где его благодарность?
- Когда выполнят наши требования?

Дело принимало опасный оборот. Шествие возобновилось только через час, но перед банями Баязида II янычары вновь остановились.

- Ну и? Долго нам еще ждать?

– Продолжаем путь, храбрые воины! – выступил Пиале-паша. Султан выплатит жалование, как только мы прибудем на места.

- Не верим! – гудела толпа.

- Мы уже по горло сыты обещаниями!

Тут произошло нечто совсем неожиданное. Несколько отчаянных янычар приблизилась к паше и сбросили его с лошади. Пиале-паше стало по-настоящему страшно. Но тут полетели пригоршни золотых монет. Янычары оглянулись – то бросал Мехмед Соколлу, к которому присоединился и султан. Янычары бросились собирать монеты, мигом позабыв о несчастном паше.

– Повелитель, – обратился к Селиму Мехмед-паша. – Если сейчас не переговорить с их агой, дело может закончиться плачевно.

- Позови его, Соколлу, – медленно произнес Селим.

Вскоре раздавались уже совсем другие крики:

– Янычары! Уберите мечи в ножны! Султан Селим согласен с нами говорить! Он осознал силу янычар! Как мы скажем, так и будет!

14

Наконец величественная процессия подъехала к Топкапы. Несмотря на то, что дело было улажено, Селим никак не мог прийти в себя. Едва он слез с коня, к нему сразу кинулась Нурбану:

– Повелитель, вести об ужасном бунте дошли до нас! Мы так волновались!

– Не стоило, Нурбану, слава Аллаху, все закончилось мирно. Твой муж, – обратился он к Эсмахан, стоявшей неподалеку, – проявил просто отменную находчивость. Это была превосходная идея – разрешить янычарам жениться. Тебе несказанно повезло с супругом, Эсмахан.

– Да, отец, – сухо согласилась молодая султанша.

Встретить Селима пришла и Михримах. Он тепло поприветствовал сестру, но, даже несмотря на улыбку, ответной теплоты не почувствовал – ни во взгляде, ни в голосе. Напротив, от нее веяло холодом. Рядом с ней стояла ее дочь Айше Хюмашах. Селим с трудом узнал ее. Замужество сильно изменило девушку. Она всегда была красавицей, но сейчас в ней появилась какая-то особая стать.

– Как поживает твой супруг, Шемси Ахмед-паша? – спросил он у племянницы.

– Хвала Всевышнему, все хорошо. Молюсь о Вашем здоровье, Повелитель.

– Рад слышать, моя дорогая.

В тот же день состоялись похороны султана Сулеймана. Церемония была скромной и в то же время торжественной. Место своего погребения султан определил сам, еще задолго до кончины. Он остался верен себе и опять, как не раз уже поступал во время своего правления, пренебрег правилами и традициями ради любимой Хюррем. По закону, тело Повелителя следовало захоронить напротив стены молитв мечети, которая носила его имя, но он завещал положить себя в гробницу, построенную в саду этой мечети, рядом со своей хасеки. Да, у великолепного султана и любовь была поистине великолепной.

Так и закончил свой путь тот, кто называл себя:

Правитель тридцати семи королевств, повелитель государств римлян, персов и арабов, владыка моря Средиземного и моря Черного, достославной Каабы и пресветлой Медины, великого Иерусалима и трона Египетского, Йемена, Адена и Саны, Багдада, обитатели праведных, Басры Аль-Ахсы и городов Нуширивана, Алжира и Азербайджана, кыпчакских степей и земель татарских; Курдистана и Луристина, Румелии и Анатолии, Карамана, Валахии, Молдавии и Венгрии и многих других земель и царств, султан и падишах.

15

Казалось, годы не имели власти над Михримах-султан. Каждый, кто знал ее, мог подтвердить, что дочь Сулеймана и Хюррем оставалась столь же прекрасной, как и в юности. Ее возраст выдавали только глаза, светившиеся мудростью и спокойствием, и даже ее дочь Айше Хюмашах втайне завидовала красоте матери.

Луноликая госпожа после смерти Хюррем взяла на себя обязанности управляющей гарема, по сути, валиде-султан, хотя, разумеется, таковой не являлась. При ее матери гарем потерял свои основные функции, перестал быть «домом счастья». Его обитательницы выполняли только обязанности прислуги – в другом качестве они были не нужны, ведь у Сулейман любил только свою единственную и несравненную Хюррем. Когда она умерла, он продолжал хранить ей верность. Однако прекрасных пленниц для гарема все равно продолжали привозить. Проводить время в праздном ничегонеделании им не позволялось. Женщины гарема много времени должны уделять занятиям, они читали, осваивали различные виды рукоделия, а еще, конечно, искусство любви.

Михримах продолжала следить за тем, чтобы в гарем доставляли красивых и умных рабынь. Одна из таких девочек, которая была родом из Албании, сразу ей приглянулась. Она, как и ее мать, умела угадывать людей. Албанская девушка оказалась не только красавицей, но и большой умницей. Михримах сразу поняла, что она далеко пойдет. Она дала ей имя Сафие и подарила своему племяннику шехзаде Мураду, к немалому неудовольствию Нурбану, которая сразу поняла, что у нее появилась серьезная соперница.

Михримах отлично понимала, что скоро ее власти придет конец. Она чувствовала, что дни ее отца сочтены, и осознавала, что ей нужно будет уступить свое место Нурбану. Естественно, она не хотела этого делать. Она не любила жену своего брата. Ненависти она не испытывала, она вообще пыталась искоренить в себе это чувство. Но и любить ту, по вине которой один ее брат убил другого, она не могла.

Узнав о смерти отца, Михримах показалось, что у нее внутри что-то оборвалось. Вся империя скорбит, потеряв Повелителя, но разве сравнится вселенская скорбь с ее, дочерней, скорбью? Да, они с ним мало разговаривали последние годы – Михримах так и не смогла простить ему смерть Баязида, не сумела оправдать его, не поняла, почему из двух братьев он выбрал Селима, почему допустил, чтобы один из его сыновей умер от руки брата, а другой стал братоубийцей? Но, несмотря ни на что, это был ее отец. Она прекрасно помнила свое детство, помнила, как он играл с ней и Мехмедом, как катал их на спине... Помнила, как нежно и трепетно он относился к их матери. Помнила его строгие наставления. Теперь же у нее не осталось ни одного близкого человека, того, кто бы знал ее с детства. Его смерть оставила еще один рубец на ее сердце. И она знала, что это еще одна рана из тех, что не заживают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.